

И, КАК ПЕСНЯ, МОЛОДОЙ

Я НЕ ВЫНОШУ одиночества. Есть люди, которые могут бродить одиноко, мечтать. Они считают, что лишь тогда отдыхают. Возможно, это так. Что же касается меня, то я воспринимаю одиночество, как беду. Если нет зрительного зала, если нет собеседников или хотя бы одного человека, с которым можно перекинуться словечком, я чувствую себя безмерно одиноким. Я ищу партнера для беседы и нахожу его. Кто же он? Как ни странно — я сам. Я — два человека. Иногда они даже спорят, не соглашаются друг с другом. Иногда они удивительно единомышленны.

Вот сегодня произошла беседа. Начал я — 1-й.

— Слушай, старик, ты не поверишь, а Никите Богословскому шестьдесят лет.

— Скажи, а это — много?

— Если прожил шестьдесят и не сделал ничего хорошего — то много. А если прожил шестьдесят и сделал много хорошего — то мало.

— Я ничего не понимаю. Мне кажется, что вот-вот недавно пришел хорошенький мальчик, Никитушка, и принес свое первое музыкальное произведение, написанное детскими каракулями на пяти нотных линейках. Это был вальс «Дита», посвященный моей дочери...

— Ха-ха-ха, да ведь это было почти пятьдесят лет назад.

— Позднее он принес концерт для двух роялей, назы-

ваемый «Тиль Уленшпигель». Он еще не был композитором. Он был просто ленинградский школьник, но устремленность в музыку была явной, а результаты обнадеживающие.

— А, помимо этого, он был еще склонен к юмористическим обобщениям, к иронии, к высмеиванию всего того, что было достойно смеха. И сейчас, открывая «Литературную газету», ты часто встречаешь подписи: «Никита Богословский». Он и тут успевает.

— Да, старик, пятьдесят лет. Кажется, что недавно, а вот пройди мысленно все, что произошло за эти десятилетия. Какие поразительные изменения. Сколько огорчений и сколько радости! Вспомним все, что было с нами. Посмотри вокруг себя, и ты увидишь, как изменился мир, и поймешь, что полвека — это большой срок.

— Да, для того, чтобы понять, что такое шестьдесят лет в жизни человека, надо представить себе весы. На одну чашу положишь годы, а на другую — добрые дела. Если человек прожил долго, а сделал мало, чаша с делами окажется не очень-то весомой.

— Слушай, старик, а при чем тут Богословский?

— Ну-ка, положи на одну чашу весов его годы, а на другую — его песни, и ты увидишь, как чаша с песнями потянет книзу.

— А, между прочим, я хочу задать тебе вопрос. Если бы на свете не было симфонической музыки, не было

бы оперы, человечество утратило бы много?

— Конечно. Очень...

— А если бы не было песни?

— Человечество было бы несчастным. Потому что любой народ, пусть даже не познавший высот культуры, песни все равно слагает. В них он выражает свое горе, свою радость, свои печали, свое торжество. А наш народ — особенный. И людей, создающих песни, он любит и бережет.

— Хорошо, но куда ты все это клонишь?

— Да все туда же, к Никите Богословскому. Если я начну только перечислять созданные им песни, ты удивишься, что прожитые им годы стоят многого. Ты помнишь 1942 год? Помнишь «Темную ночь»? Я стоял на сцене Театра имени Ленинского комсомола, пел эту песню, а в зале я видел руки с белыми платочками у глаз женщин и суровый блеск в глазах мужчин.

Ты меня идешь

И у детской кроватки

не спишь,
И поэтому, знаю, со мной
Ничего не случится.

Вспомни довоенный период: «Спят курганы темные», а юмор «Песни старого извозчика», а романтика — «Три года ты мне снилась, а встретишься вчера». Да, всего не перечислишь. Много создал и много еще создаст... Потому что он в зените, он идет правильным курсом.

— Ну что ж, Никита Богословский, приказ тебе от людей: «Так держаться!».

Леонид УТЕСОВ.

20 МАЯ 1973